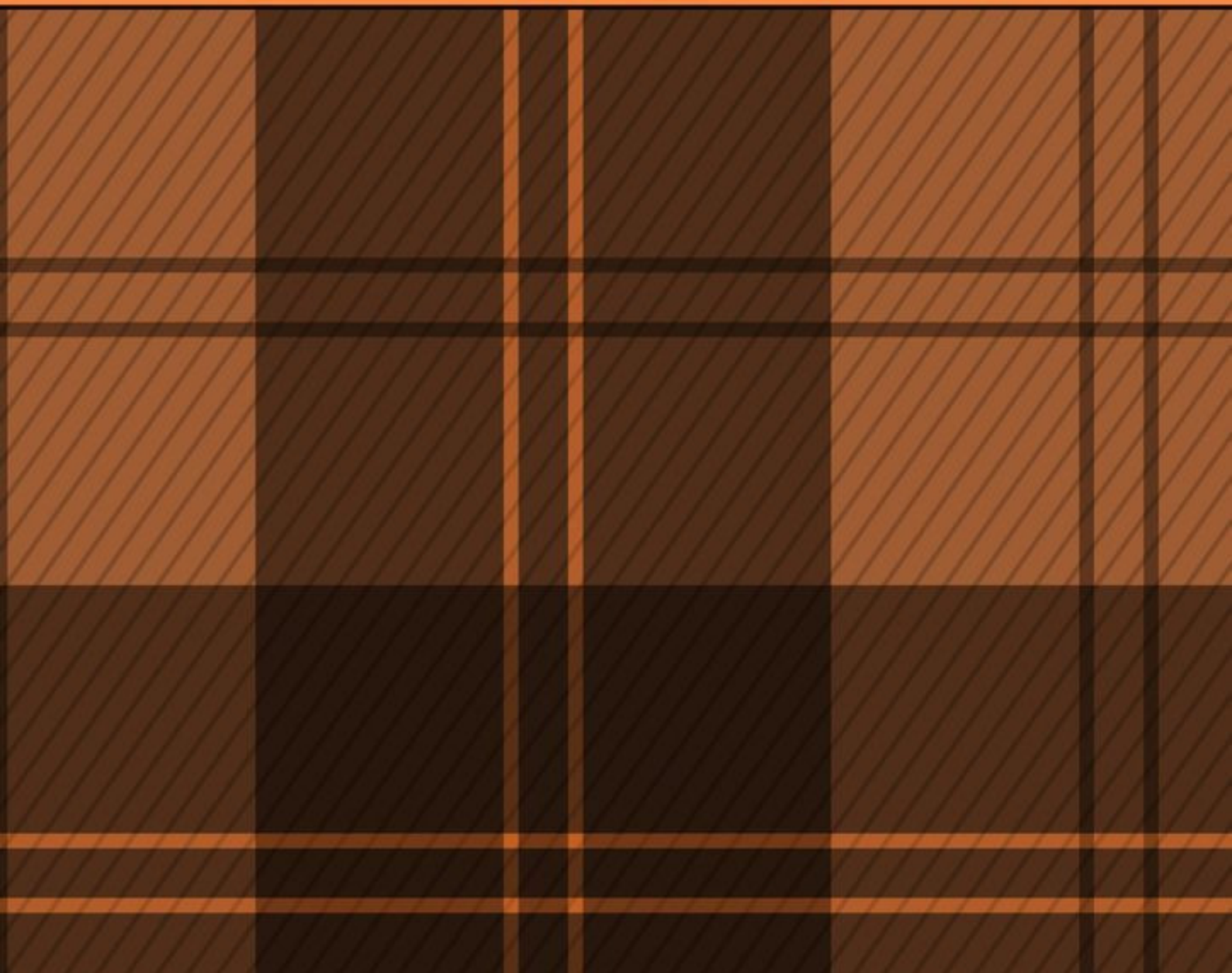

18+

Сергей Степанов-Прошельцев

Когда ты не сам по себе

Сергей Степанов-Прошельцев

**Когда ты не сам по себе. Стихи,
написанные за решёткой**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелев С. П.

Когда ты не сам по себе. Стихи, написанные за решёткой /
С. П. Степанов-Прошелев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980105-0

От тюрьмы и от сумы не зарекайся... Так случилось, что автор этой книги оказался за решёткой. Именно там родились его самые пронзительные строчки.

ISBN 978-5-44-980105-0

© Степанов-Прошелев С. П.
© Издательские решения

Содержание

ЕСЛИ ВЕРНУСЬ	10
ЛЕСОПОВАЛ	14
БАЛЛАДА О БАРАБАШКАХ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Когда ты не сам по себе

Стихи, написанные за решёткой

Сергей Павлович Степанов-Прошелец

© Сергей Павлович Степанов-Прошелец, 2020

ISBN 978-5-4498-0105-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ,

КОГДА ТЫ НЕ САМ ПО СЕБЕ

Нет высшей свободы, чем эта свобода...

* * *

Предзонник. Зона. Шмон. Встречает лагерь
колючкою и на ларьке замком.

Иду в промокшей, порванной телаге
в свою локалку – так велит Закон.

Одна мечта – упасть скорей на шконку,
чтоб позабыть, чтоб утопить во сне
сырой барак, похабную наколку
на сколиозной старческой спине,
овчарок лай и окрик конвоира...

Осточертела эта кутерьма!

Меня мутит, как будто от чифира,
от этой жизни, серой, как зима.

Но даже здесь, среди людского сора,
нельзя простить себе малейший сбой,
чтоб даже в крайней степени позора
быть человеком, быть самим собой.

И зубы сжав, пусть все вокруг немилу,
шагать в пургу, в пустую трату дней,
чтоб свято верить в справедливость мира
и полюбить его еще сильнее.

Чтоб, словно Феникс сказочный, из пепла
сумел я встать, ещё совсем не стар.

Чтоб эта вера ширилась и крепла,
как искра, превращённая в пожар.

* * *

а бетонной стеной, за решёткой стальной
З снова слышится трель милицейской свирели.

Хулиганов становится больше весной,
и штaketник трещит от напора сирени.

Жизнь моя, словно эта хмельная весна,
отшумела, мелькнув только призраком рая.

И удача — обманчива, точно блесна, —
где-то рядом была, не меняя ободряя.

Бьет в намордник окна шалых листьев пурга,
бесконвойные ветры шумят без призора.
И щербинка луны – как улыбка врага,
и звезда в небесах – как свидетель позора.

.
* * *

Город гудел, как улей,
и жизнь у меня была
стремительнее, чем пуля,
летающая из ствола.
Затрещин, обид и премий
отмерив, как и другим,
меня захлестнуло время
арканом своим тугим.
Не думал над каждым шагом,
что будет – я не гадал...
Теперь вот коплю,
как скряга, потерянные года.
Бездельем бездумных буден
томясь, я встаю чуть свет.
И будущего не будет,
и прошлого тоже нет.
Ни цели, ни перспективы,
лишь мухи у потолка.
И время течет лениво,
как медленная река.

* * *

Тюрьма прозрачна. Там повсюду свет.
Глаза повсюду. И повсюду уши.
Там нету мрака. Совершенно нет.
Мрак там сокрыт в людских порочных душах.
Куда ни глянь – везде огни, огни.
И – страх. Он всё упорней и упорней.
И эта светобоязнь сродни
боязни оказаться в Преисподней.
Но я теперь благодарю тюрьму
за то, что на свободе свет не вечен.
Как я мечтал увидеть полутьму,
которая утешит и излечит!

* * *

Нет высшей свободы, чем эта свобода,
когда ты свободен от власти и денег,
когда не пугает любая погода,
когда ты, как ветер, такой же бездельник.
И сердце парит беспризорною птицей —
ни отчего крова, ни признака боли,
и нет ничего, что могло бы присниться,
и нет тебе дела, что будет с тобою
И лишь за окном облаков белоснежность,

и грустно от их торопливого бега,
как будто последнюю чувствуешь нежность —
прощальную нежность апрельского снега.

* * *

Этот мир не хорош и не плох —
просто жизни прошла половина.
Просто беды застали врасплох,
как сошедшая снега лавина.
Выбит я, как жокей, из седла,
неизвестны совсем перспективы.
Только снег. Только белая мгла.
Только белая молния взрыва.

* * *

Яне станцию —
что-то я больше проспал,
и теперь ничего не вернёшь.
На стиральной доске
креозотовых шпал
мылит путь надоедливый дождь.
Мчит «столыпин».
Он ржавой селёдкой пропах —
нам паёк выдавали сухой.
И песок (но песок ли?)
хрустит на зубах —
это кости, что стали мукой.
Эти кости
на мельнице смерти смолот
предводитель земных палачей.
И уже не селёдкой —
пахнет смолой,
горькой серой из адских печей.
Здесь сосновая глушь.
Мне теперь предстоит
слушать то,
что наш мир позабыл:
не изысканный шёпот
холёных столиц,
а сирену и рёв бензопил.
И студёный январь
в рог бараний согнёт,
сунет мордю в лагерный быт...
Это всё происходит
не только со мной —
вся страна на коленях стоит.
Раньше вольницы были
в тайге острова,
а теперь —
лишь метель и конвой...
Ты прости, что мне снится,

прости мне, страна,
тот безумный,
тот тридцать седьмой.

* * *

Этот счёт не приложишь к оплате —
задолжал я за это и то,
и, коль я никого не оплакал,
то меня не оплатят никто.
Я не знал, где быстрины и мели,
нарезая по жизни круги,
но в душе доброты не имея,
трудно жалости ждать от других.
Не до смеха теперь, не до смеха
я попал в непростой переплёт.
Спихватился, да поздно: уехал
поезд мой на столетье вперёд.
И никто не посмотрит с укором,
всё сокрыто в тревожном дыму,
и машу я, прощаясь, рукою,
вероятно, уже никому.

* * *

Снова кисточка рассвета
в краску алую макает,
вновь от тараканьей этой
я тоски изнемогаю.
Выйти б вновь туда, где брагой
пахнет вольный ветер южный!
Надоело быть оврагом
никому совсем не нужным.
Но другого я не стою,
это, видимо, расплата —
неразлучным быть с бедою
от заката до заката.

ЕСЛИ ВЕРНУСЬ

В комнате всё тот же абажур,
ветер занавеску изорвал...
Я отвыкшим голосом скажу
напрочь позабытые слова.

Здесь не слышно воя бензопил,
здесь печаль, как первый снег легка...
Ты пойми: я тот, кем раньше был,
если изменился, то слегка.

Головой вот только побелел...
Но, как сердце радостью не грей,
та печаль, которой я болел,
как собака, ляжет у дверей.

* * *

Белую кипень сорвало с чёрёмух
выстрелом грома. Как нищенки эти,
жизнью платил я за каждый свой промах,
счастье меняя на снег и на ветер.

Лунным стеклом застывали лиманы
в жёлтом желе многотонного ила.
Алой водою заря обливала,
лучиком робким звезда мне светила.

Шел я за нею, с дороги сбиваясь,
словно в какой-то нечаянной роли,
чувствуя в сердце щемящую зависть
к ветру, чей путь не подвластен контролю.

Так бы лететь, не изведав покоя,
солнечной тенью и облачным дымом,
не понимая, что это такое,
что это значит быть вечно гонимым. —

* * *

Эта тюрьма вобрала
время почище губки,
страхи чужих бессонниц,
ужас больных ночей.
Как сквозняки,
здесь бродят по коридорам гулким
призраки заключённых,
призраки палачей.

Смотрят они мне в душу,
хоть и пусты глазницы,
Видимо, ждут поддержки
в призрачной той борьбе.
Господи! Дай мне силы,
чтоб я не смог присниться
этим слепым кошмаром,
прежде всего, себе!

Дверь распахну пошире.
Вырвусь на свежий ветер.
Это – всего лишь глюки.
Душный такой рассвет.
Где ты, моя удача?
Знаю: на этом свете
нету уже заборов,
но и свободы нет.

Мы зэки. Мы каждый сам по себе – —

* * *

Развод по утрам. Поверка. Отбой.
Убогий лагерный быт.
И думы о воле – даже во сне,
если ты можешь спать.
И время – как бык, что ведут на убой,
но он еще не убит.
И вовсе не скоро случиться весне —
месяцев через пять.

Снега...
Все на свете белым-бело,
а жизнь, как хина, горька.
Она рядится в серый бетон,
прячась, как троглодит.
От стужи судорогою свело
скулы жилгородка,
как будто, от скуки зевая, он
челюсть свою проглотил.

Дебильные лица. Ухмыл кривой.
Девятый штрафной отряд.
И белое облако, как привет
от солнечных звонких лет.
И птицы летят, но для них конвой
неведом. Они летят
туда, где замков и решёток нет,
где ветер и яркий свет.

* * *

Пахнет с воли солянкой тошно. —
Тащат с рынка морковь, картошку,
из авосек точит шпинат.
Здесь, как раньше, с харчами тяжко:
заблудившуюся дворняжку,
втихаря отварив, едят.

Нынче праздник. Потом по-новой — —
миска каши в обед перловой
и баланда одна вода, —
никаких тут куриных грудок,
и тоскует пустой желудок,
как узбек на бирже труда.

Где-то жарят картошку с салом...
Лом хватаю, чтоб легче стало,
бью по камню таков мой крест. —
Нет лекарств эффективней лома!
...Выйдет срок мой — полгастронома
съем, наверно, в один присест.

* * *

Дух портяночный. Топятся печи.
В пищеблоке порхает мука.
Смертным боем — и в зубы, и в печень —
в умывальнике бьют должника.

Он не выдержал зэчью проверку,
дал слабинку, и вот он, итог:
задолжал он четыре конверта,
только письма отправить не смог.

Не пойдёт он сегодня на ужин.
Завтра — тоже. Он сам виноват.
И уже ко всему равнодушен
голубой стекленеющий взгляд.

В караулке сейчас пересменка.
Смотрят телек. Сегодня — футбол.
И сползает кровавая змейка
на загаженный каменный пол.

И лежит он, щедрот не изведав,
отмотав весь свой жизненный срок, —
тракторист из колхоза «Победа»,
что стащил комбикорма мешок.

* * *

Вновь этап. Дорога дальняя.
Ждут другие испытания.
Тополя пирамидальные,
до свиданья, до свидания!

Не имел на счастье виды я,
но, как вы, не клал поклоны я.
Я ни в чем вам не завидую,
молодые и зелёные.

Рубят сучья так же больно вам, —
вы кору, как кожу, морщите.
И, как зэки, подневольные —
даже шаг шагнуть не можете.

ЛЕСОПОВАЛ

Речушку эту тёмный лёд сковал,
зима, как СПИД, пока непобедима.
Нет ничего страшней! Лесоповал.
Апофеоз тюремного экстрима.

Собачий лай. Трещит бензопила.
Тут требуется выучка тарзанья.
И умывает руки, как Пилат,
начкар, что нас обрёл на вымерзанье.

Я штабелюю на кругляш кругляш.
Хмурет то, что не было так хмуро.
И расколоть на плахи толстый кряж —
сложнее, чем бросок на амбразуру.

Стон обречённых на распил лесин.
Здесь зэки. Их никто нигде не любит.
И вкалывают из последних сил
сухие, обезжиренные люди.

И завтра то же будет, что вчера,
и жалят нас снежинки, словно осы,
и стужа, будто черная дыра,
всосёт в себя своим большим насосом...

О многом я уже позабывал,
но жизнь была не слишком-то кривая,
поскольку нашептал лесоповал,
что лишь надежда сердце согревает.

БАЛЛАДА О БАРАБАШКАХ

По ту сторону жизни, хоть вейся ужом,
воля вовсе не светит, коль нет ни шиша.
Как же выжить теперь в этом стане чужом
этим хитрого кума глазам и ушам?

Он давно затаился в углу, как паук,
он сдавал всех и вся, не боялся того,
что, казалось бы этот оправданный «стук»
обернется погибелью страшной его.

И узнали в отряде, что Сивый – стукач,
приговор был суров: нам не надо «ушей».
И уже был назначен внештатный палач,
только Сивый ловить и не думал мышей.

Он придумал спасенье себе на ходу,
когда волны испуга топили корму,
и заточку он в сердце всадил пахану,
чтобы шкуру никто не дырявил ему.

Пусть червонец накинута – зато не конец,
не увидишь свои на земле потроха.
И подумали ээки: стукач – не боец,
значит, эту подставу смастырил пахан.

Тут какая мораль? Мы её не найдём.
Продолжается жизнь. Всё своим чередом.
И отрядным назначен стукач паханом,
а другой барабашка стучит о своём.

* * *

Яещё вроде как бы живой,
хоть подвергся губительной порче.
Горячо мой любимый конвой,
будь построже со мной и позорче.

Я такой, с позволения, гусь —
не японский, не шведский, а русский,
я сквозь стену в момент просочусь,
на прощание сделаю ручкой.

Я давно свою боль отрыдал,
не печалюсь по поводу денег.
В моём голосе даже металл,
если кто за живое заденет.

Вот иду по зелёному мху
под всевидящим оком конвоя,
а душа моя где-то вверху,
где-то там – высоко надо мною.

* * *

Идёт помдеж* – лоснящаяся будка,
усы поникли, как в мороз петунья.
Жена помдежа прячет в чернобурку
своё лицо – такая же хитрунья.

Меня помдеж к ней давеча спроворил
за ней таскаться, чтоб таскать покупки.
И я почти совсем уже на воле...
Но как мечты порой бывают хрупки!

Мадам взглянула пристально и волгло,
прошлась по мне, как стоматолог буром,
и вдруг спросила: «Ты, наверно, долго
не пользовался женскою натурой?».

Я промолчал. Момент такой скандальный,
что напрочь мне отшибло страх и память:
она была такою сексуальной,
что невозможно было не растаять.

И я (не надо никаких оваций),
вздыхнув, ответил: «Вы мне симпатичны.
Но ваш мужик – он мастер провокаций.
Быть может, всё спланировал он лично?».

Она смеялась. Долго так смеялась.
И я ушёл – простой советский лапоть.
Конвойный ждал. Она одна осталась,
а я не знал – смеяться или плакать.

И снова – зона. Как-то так, вполсилы
спросил помдеж, заранее не веря:
«Ну, как моя? Ты сделал, что просила?
Учти, я это тщательно проверю».

Потом пришёл – большой, медузно-слизок,
не выносивший безобидных шуток,
и за мамзель, с которой не был близок,
впял мне карцер. Аж пятнадцать суток.

* Помдеж, ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

* * *

Разве я думал, что каждый
станет мне дорог когда-то,
кто испытал хоть однажды
крайнюю степень утраты?

Сам я живу, как придётся.
Мне себя вовсе не жалко.
Жизнь как октябрьское солнце: –
светит, да только не жарко.

Жаль мне других им похуже, –
их искалечены души,
им и тропиночка уже,
жизнь их якутская стужа. —

Кто из них станет оседлым?
Снова они пролетели.
Гонит их ветер осенний
в логово белой метели.

Худшего не приготовить,
если не держишься стайно.
И не узнает никто ведь
их величайшую тайну.

* * *

Если можешь, грустить обо мне перестань,
я – плешивобородый, безумный старик.
Но безумие это – всего только грань,
беспросвета, что рядом со мною стоит.

И в начкаре мне чудится Понтий Пилат,
что на казнь нас обрёт, и трепещет душа,
и тоски интермеццо выводит пила,
на ветру озабоченно так дребезжа.

И не в такт ей топор сучкоруба частит —
выбивает из ритма его комарьё.
Пусть за музыку эту Всевышний простит —
он всё знает: в неволе слагают её.

Докурю свой затаренный раньше бычок —
Вот и кайф на минутку я снова словил, —
и вонзается в сердце горячий смычок
трясогузки, поющей о прежней любви.

* * *

Есть неразгаданные тайны:

ответа нелегко добиться,
зачем в тюрьме сентиментальны
бывают лютые убийцы.

Когда на совести нечисто,
вмиг изменяется походка.
Закоренелые садисты
глядят рассеяно и кротко.

Они живут не днём вчерашним —
у них теперь иные сроки —
не потому, что стало страшно,
а потому, что одиноки.

Их неправдивы показанья,
любой в душе, как прежде, Каин.
Но нет, наверно, наказанья
страшнее, чем тоска такая.

* * *

Облаков эскадрилья...
Какие-то круглые диски,
как тарелки пришельцев,
хотя я, быть может, не прав.
Я завидую им:
они могут гулять без прописки
где угодно, и им участковый
не выпишет штраф.

Я не сам по себе.
Я теперь под присмотром гуляю,
хоть свобода и рядом —
дотронуться можно рукой.
Превратиться бы в ту
дискокрылую белую стаю,
чтобы мир этот кинуть,
в надежде увидеть другой.

Кто-то скажет: абсурд,
ты у этого времени пленник.
Да, я пленник вдвойне:
я попал под особый надзор.
Я амнистий не жду.
Я глобальных не жду потеплений.
Только я не смирился.
Облом, господин прокурор.

Вы ошиблись. Не встал я
на путь исправленья. И снова

замышляю побег
от всего, что стесняет и жмёт.
И уйду, как и жил, —
тёплым призраком духа лесного
или чистым ключом —
тем, что бьёт у церковных ворот.

Так нагрешил я, что пахнет и вышкою,
как ни крути, ни порхай,
и поведёт, в исполнении вышколен,
к плахе меня вертухай.

Ждёт не дожётся безглазая карлица
с острым двуручным мечом...
Жаль, что не дали мне честно покаяться,
если и было мне в чём.

Но не грусти, дождь окно твоё вымоет
и заплутает в плуще...
Здравствуй, далёкая! Здравствуй, любимая!
Это – я в мокром плаще.

Вспомнишь меня лишь когда-то при случае,
одолеват ли грусть?
Ждёшь ли по-прежнему? Веришь ли в лучшее —
в то, что когда-то вернусь?

Я не вернусь, ничего тут нет странного,
я не вернусь вообще.
Это – не я. Видишь ты только странника,
странника в мокром плаще.

Тот, кем был я, стал лишь рожью озимую,
только увяли мечты...
Здравствуй, далёкая, здравствуй, любимая!
Здравствуй, хоть это – не ты!

* * *

Над тобой – луны лампада,
ты идёшь к подруге в гости.
У меня в руках – лопата,
что вросла, наверно, в кости.

Правил я не выбираю —
я вне всякого закона.
Нет конца и нету края
морю серого бетона.

У тебя же – светский раут,
поздравленья с новым браком...
Но ещё не кончен раунд,
я опять иду в атаку.

И пускай грозят вдогонку
мне наслать большие беды,
я пока не слышу гонга —
это, кажется, победа.

*Зима не заморозит, нет!
Она дарует очищенье...*

* * *

Заунывная ветра мольба.
Он зондирует каждую щель.
Дни, пустые, как старый амбар,
где один только запах мышей.

Время требует новых оплат,
кредиторы командуют: «Пли!».
Как до Марса, ещё до тепла,
впереди – январь, февраль.

А в окне – только мгла, ни огня,
только вязкий какой-то испуг —
безграничность морозного дня,
необъятное время разлук.

* * *

Жизнь меня много по свету кружила.
Я теперь – словно корабль без причала.
Время сжимается, словно пружина,
и не поймешь, где конец, где начало.

Холодно вновь – батареи не греют.
Ветер – как будто опричник Малюта.
Зимнее время – ленивое время:
тянутся долго часы и минуты.

Грустно, и вьюга дороги заносит,
стынут домов погребальные урны...
Как пережить эти долгие ночи,
душу томящие отблеском лунным?

* * *

Когда-нибудь кончится все.
Зарубцуются рваная рана.
Сдадут мое дело в архив —

будет переучёт.
Но можно свихнуться
от этой зимы и от этого крана —
похоже, что сальник прогнил,
и вода постоянно течёт.

Здесь днем тишина.
Она словно пропитана ядом.
Я здесь задыхаюсь.
Я столько обиды тут снёс.
Хоть чей-нибудь голос услышать.
Хоть кто-нибудь рядом
мой кров разделил бы!
Хотя бы какой-нибудь пёс.

Чтоб душу облегчить.
Погладить за ухом и ладно —
(но кто бы меня приласкал —
я не хуже собак?).
И только тревога.
И только луна, улыбаясь злорадно,
глядит мне в глаза,
как глядит торжествующий враг.

* * *

Мне вновь не заснуть этой гулкой и серой
декабрьской ночью в хрустальных пионах:
бесшумно, как бедность, страшней, чем холера,
крадётся тревога – как тень скорпиона.

Повсюду морозно, безлюдно и голо,
не слышно ни птиц, ни качания веток,
и в бездну отчаянья катится голос,
и нету ответа, и нету ответа.

Я долго крепился, держался, не падал,
теперь же на финише третьего года
я снова дышу атмосферой распада,
в которой ни грамма уже кислорода.

Скорее бы на ноги встать, чтобы снова
очнуться от сна, точно речка весной...
Ну, кто бы сказал мне хотя бы полслова?
Но только молчанье вокруг ледяное.

* * *

Полон мир нарастающей злобы,
в нем тепло безвозвратно погибло.
Облаков ледяные сугробы,

ночь как будто пустая могила. —

Мрак густеет в дряхлеющем боре,
где стволы, как колонны из стали.
Я стою словно памятник боли, —
на чугунном беды пьедестале.

И душа беззащитная стынет
от морозной разорванной хмари.
Как не сгинуть мне в этой пустыне,
в этой белой уральской Сахаре

* * *

Замок в дверях – взведённый курок,
но не дожидаться щелчка:
тишины обледенелый комок
рушится с потолка.

Кому пожаловаться? Луне?
Её не видно в окно.
Сижусь с одиночеством наедине —
я и оно.

Скажи мне хоть слов, издай хоть хрип!
но мы сидим в тишине,
и снова вирус тоски, как грипп,
подкрадывается ко мне.

Тоска, одиночество... Весь набор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.